

Творчество: событие космической и родовой истории человека

В последнее время все шире ведутся исследования в области искусственного интеллекта, все чаще выступают с утверждениями относительно возможности машинного творчества. В связи с этим возникает, на наш взгляд, необходимость обратиться к специфике становления феномена творчества, к тем его характеристикам, которые свидетельствуют, с одной стороны, об особенностях когнитивной стороны творческой деятельности человека, необходимой ему для выживания в мире, с другой — о проявлении в творчестве родо-видовой специфики человека, уходящей в сферы метафизического. На наш взгляд, именно при рассмотрении проблемы собственно творчества различия между человеком и машиной выступают наиболее очевидно.

Конечно, можно и творчество по-бихевиористски истолковать как всего лишь сложно организованное поведение, к имитации разумности которого машина вполне способна, но как быть с мотивацией и целью организации этого поведения? Остались бы непонятны и движущие мотивы творческой деятельности, специфика и непредсказуемый ход процесса творчества, а также и непредсказуемость его результата, особенно в искусстве. Действительно, компьютер включает человек, но кто включает человека, его познавательную деятельность? Ведь даже уже созданный в Японии сверхмощный компьютер со скоростью 300 млрд операций в сек. пока еще программируется уступающим ему в скорости человеком, а не наоборот.

Представляется, что обращение к проблеме машинного творчества, искусственного интеллекта в целом помогает понять истинную природу и роль творчества в становлении и развитии собственно человека, увидеть, что именно творчество, творческая способность,

творческая составляющая играют главную роль в самой идентификации естественного человеческого интеллекта. Именно наличие и возможность проявления творческого качества естественного интеллекта есть его специфическая особенность. Точно так же творчество как характеристика интеллекта есть один из основных признаков, которые позволяют дать видовое определение человека, являющегося его носителем.

Стремление к развитию, совершенствованию, самореализации, выступающее частью самой человеческой природы, определяет творчество не только как способ деятельности, но как общий *модус* существования и поведения в мире человека, который осознал эту свою «особость» в мире. Творчество является особым способом утверждения человеческого рода, выступает как своего рода высший инстинкт, оформляющийся у него в целях сохранения, совершенствования и развития. Оно становится для человека, на социальном уровне организации жизни, необходимой *заменой тех процессов самоорганизации*, которые происходят в природе, приводя к образованию систем, в том числе гармоничных. Именно в этом смысле и следует рассматривать творчество как высший уровень сложно организованного поведения. Однако мотивации его и сам творческий процесс далеко не всегда поддаются формализации, ибо включают в себя множество «внесемантических» элементов, содержание которых отнюдь не всегда может быть адекватно представлено в вербализованной форме.

Творчество не только есть чисто человеческий феномен, но оно служит и доказательством того главного преимущества, которое живой высокоорганизованный мозг имеет как перед природной незнательной жизнью, так и перед искусственными техническими приспособлениями, обладающими так называемым машинным разумом. Действительно, творчество как человеческий феномен концентрирует в себе всё, что отличает человека, характеризует его как биосоциальное существо. В отличие от природного живого, организующего своё окружение лишь самим процессом своей естественной жизнедеятельности, человек сознательно строит своё окружение, культуру, и главным его инструментом выступает его творческая способность, которую он развивает и совершенствует в своей целенаправленной деятельности.

В отличие от машины, которая может наиболее продуктивно работать с однозначно, четко определенными понятиями, человеку противопоказан излишне жесткий порядок в организационном мыслительном процессе, ибо своеобразная психическая инерция, которая формируется при этом, препятствует образованию новых неожиданных

сочетаний, понятий, приемов, смыслов. Строгая упорядоченность элементов информации мешает образованию новых порядков, подавляет воображение. Неопределенность, непредсказуемость, т.е. известная доля энтропийности, является необходимой принадлежностью всякого творческого процесса, когда в состоянии свободного поиска, включающего игру воображения, человек открывает новое, поскольку его ищущий дух всегда недоволен существующим, наличным, он всегда хочет лучшего, большего, он всегда в поиске совершенства (которого не находит) и устремлен к нему. Как отмечал Н.Бердяев, «человек есть существо, недовольное самим собой и способное себя перерастать»¹.

Основной способности человека к творческому поведению является способность его сознания к антиципации, которая лежит в самой природе всей отражательной деятельности человеческой психики. Антиципация как способность действовать с упреждением в отношении ожидаемых или возможных событий есть чисто человеческое качество. Так, например, еще английский философ Томас Гоббс писал, что человека, в отличие от животного, делает голодным уже грядущий голод, который и побуждает его заботиться о возможности его утоления, т.е. охотиться, работать и т.п.²

Данные науки подтверждают, что антиципация как способность предвидеть будущее и овладевать им есть цель высокоорганизованного мозга, выражением которой и является высшая форма антиципации — творчество. Именно способность к антиципации обеспечивает возможность формулирования цели (т.е. будущего результата) до начала действий по ее достижению, планирования (построения программы действий на будущее, чтобы обеспечить нужный результат) и прочих способов «работы» с будущим. Без этой способности нельзя ни создать художественного произведения, ни организовать любую культурную деятельность, устремленную к получению будущего результата. Человек должен мысленно увидеть результат, чтобы начать осознанно действовать для его достижения. В этом смысле всё быстрое действие ЭВМ разворачивается тем не менее всегда только *post factum*; человек же принципиально и конститутивно способен к реакции опережения.

В свою очередь, антиципирующее «забегание» работы мозга, как и вся сложно организованная и осуществляемая деятельность творчества в целом, невозможно без воображения — этой способности человека мысленно создавать, воплощать в идеальной сфере свои представления, образы, мечты, идеалы. Без активности воображения не-

возможно ни создание, ни существование и развертывание идей, замыслов, символов, на которых строится всякая мыслительная деятельность — и в науке, и в искусстве.

Однако для развертывания антиципирующей деятельности, т.е. идеального «производства» того, чего еще нет, необходимо некое *внутреннее пространство* психики, формирование которой является завоеванием эволюции человека, развитие которого, в свою очередь, обусловило возможность субстанциально-анатомического и нейро-организационного основания самой психики.

Интеграционная деятельность мозга, включающая обработку специализированной (рациональной, вербально-понятийной и эмоциональной, чувственно-конкретной, логически выстроенной и образно представленной, ориентировочной пространственно-временной и локально идентификационной) информации, поступающей из *функционально* асимметричных правого и левого полушарий, позволяет человеку сочетать эти разные способы восприятия действительности; при этом он получает комплексное представление о мире, которое не распадается на две разные, «конкурирующие» между собой модели, но дает именно единую, содержательно-объемную и адекватную картину мира, возникающую целостно и одномоментно. Сотрудничество обоих полушарий обуславливает возможность и саму специфику протекания творческой деятельности, а характер индивидуально представленного различия между ними, сама величина этого различия определяют потенциал, «масштаб» и качество творческой одаренности личности, оригинальность и продуктивность ее творчества, преимущественную направленность ее творческой деятельности.

В целом можно сказать, что главным содержанием творческого проявления человека является то, что в нем осуществляется специфически протекающая и выражаемая *поисковая* деятельность способного к саморазвитию мозга, побуждаемого к этому человеческими эмоциями, которые известный ученый П.В.Симонов считал ее двигателями, а другой известный ученый, П.К.Анохин, — «пеленгами поведения». Эмоции — от простейших до сложнейших их форм — неизменно окрашивают человеческое восприятие мира и выступают в сфере мотивации деятельности. И хотя мозг человека можно в определенном смысле уподобить точной магнитофонной ленте, на которой с детства записывается всё увиденное, услышанное и пережитое, однако, по свидетельству В.П.Эфроимсона, вспоминаются и подключаются (актуализируются) лишь «те сенсорные элементы, на которые пациент обращал внимание, *выделяя* их из массы других

впечатлений»³. Иными словами, эмоциональный фон «записи в память» того или иного вида опыта имеет для человека безусловное значение, тогда как относительно машины об эмоциях говорить просто не приходится.

Таким образом, способность к творческому поиску, обусловленная как определенными возможностями мозга, так и способностью достижения особого состояния сознания, определяет эту «специфику» человека, пока всё-таки отличающую его от машины. С известными оговорками (в отношении определения интеллекта) можно согласиться с тем, что ЭВМ обладает способностью быстро и точно совершать операции с информацией, что формально можно определить как интеллект. Но в определении интеллекта еще не входит безоговорочно способность к творчеству, которое, в свою очередь, отнюдь не сводимо к логическим операциям и манипуляциям с информацией. Даже очень разумные технологии, будучи продуктом творчества, сами как таковые творчеством не являются.

Творческое свойство мозга, неразрывно связанное с голосом инстинкта, одновременно не отделимо и от вертикальной устремленности духа. Именно поэтому, прежде всего, существование машинного творчества как творчества в собственном смысле слова представляется проблематичным, хотя вопрос о возможности полноценного машинного творчества всё чаще обсуждается применительно не только к области науки, где машина способна взять на себя какие-то достаточно определенные функции, но и к сфере искусства, где решающее значение всегда имела субъективность творца, где большую роль играют процессы эмоционально-ассоциативного плана, апеллирующие к специфически человеческой природе и практически не поддающиеся формализации.

Прежде всего, осуществление творчества — свободно. Оно свободно и в том смысле, что, как известно, только человек производит «даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле только тогда и производит, когда свободен от нее»⁴. Оно также свободно и в том отношении, что к творчеству нельзя принудить. Его процесс нельзя включить, например, нажатием кнопки — ни по желанию, ни по заказу, ни из чувства долга. И в творчестве нельзя притвориться: в сотворенном им творец может предъявить только то, чем он располагает или чем является. В творчестве он адекватен себе и своей природе, адекватен своей сущности, своей целостности, ибо может осуществлять свободное перемещение во всём пространстве открывающихся его духу смыслов. Однако относимо ли всё это к машине, можно ли о ней сказать, что она творит *сама*, по собственному

почину, по своему *свободному* волеизъявлению? Творчество (творческое поведение) иногда может быть вызвано той или иной необходимостью (не только внутреннего, но и внешнего плана), но *обеспечено* оно может быть только внутренним импульсом; когда его нет, никакие внешние обстоятельства не смогут «вызвать» ни процесса творчества, ни творческого состояния. Творческий человек — это человек с развитым творческим импульсом, обусловленным развитой творческой потребностью. Представляется, что все эти понятия не применимы к машине как предполагаемому субъекту творчества.

Кроме того, в творчестве, как правило, создается нечто новое, небывшее, не имеющее прецедентов существования. По мнению И.Канта, творчество есть создание нового, для которого еще не существует какого-либо правила создания⁵. В то же время, если известно, *как* осуществляется то или иное действие, или *как* нечто делается (т.е. это делалось уже ранее, возможно, неоднократно, и существует определенная технология, алгоритм данного действия), то это уже не столько творчество, сколько технология. С помощью техники может быть конкретно воплощено то, что *создано* творчеством. Собственно творчество, по выражению Г.Марселя, в сути своей метатехнично; сферой метатехники может быть лишь человеческое, программирующее, но не машинное, запрограммированное, сознание⁶.

В данном пункте, правда, существуют определенные расхождения относительно того, что считать собственно творчеством и обязательно ли в творчестве создание именно *нового*. Аристотель, например, понимал творчество очень широко — как порождение произведения, внешнего по отношению к производящему; творчеством при этом предстаёт фактически любая продуктивная деятельность человека. Также в весьма широких рамках понимания существует мнение, что, например, творчеством может быть признано не только создание нового — новых связей и отношений, новых качеств и новых смыслов, но любая вообще деятельность, к которой человек способен подойти творчески, т.е. творчески себя в ней ощутить, по-новому прочувствовать старое, вообще что-то пережить впервые и т.п. Здесь, на наш взгляд, проблема новизны в творчестве переносится из сферы его онтологии в область психологического и когнитивного. Когда человек нечто открывает *для себя* в том, что может быть давно открыто и известно, то это вопрос его личных ощущений и переживаний (может быть, в какой-то мере творчество себя как воспринимающей личности), т.е. вопрос индивидуальной психологии, а не собственно онтологии творчества, создание некоего нового объекта. При подобном переносе не только происходит методологическое смешение он-

тологического, психологического и когнитивного уровней анализа, но и сам собственно анализ феномена творчества часто подменяется феноменологическими иллюстрациями.

В процессе познания также, безусловно, может присутствовать не только творческая составляющая, но и возможность открытия субъективно нового, однако при этом отнюдь не всегда достигается создание нового знания, что, конечно, не умаляет ценности самого индивидуального познавательного усилия. Конечно, компьютер может создать нечто относительно новое: новую комбинацию, сочетание тех или иных элементов из имеющихся в его памяти; новое, возникающее из изменения частей, изменения их содержания и просто из изменения количества этих частей. Однако в этом случае новое понимается чисто формально. Создание истинно нового, для которого нет соответствующего алгоритма, – это всё-таки особенность и преимущество человека, и оно, как правило, означает известное подключение спонтанности, наличие которой не предполагается у машины, даже самой умной. Пожалуй, единственная спонтанность, которая *может* быть доступна разумной машине, это включение «реакции» самосохранения при угрозе ее существованию; другого *содержания* у машинной спонтанности быть не может. Либо это *мнимая* спонтанность – типа сбоя программы.

Конечно, художник своей творческой работой также вызывает к бытию то, что так или иначе, в тех или иных формах уже как-то содержится в мире; он лишь проявляет скрытую или потенциальную выразительность мира через видимые, вещественные формы своего творчества, сообщая миру новую красоту и возможность нового бытия. Однако, во-первых, роль художника при этом отнюдь не сводится к пассивному повторению или «исполнению» на кем-то заданную тему; художник сам выбирает тему, сам определяет необходимые для ее реализации средства и т.д. Иными словами, он должен увидеть (и распознать) красоту мира, увидеть возможность ее проявления в красоте искусства, должен захотеть запечатлеть ее, должен владеть соответствующими техниками исполнения, обладать необходимым умением, он, наконец, должен проявить волю к реализации своей цели, осуществляя сложный процесс художественного воплощения. К этому многоступенчатому процессу на разных его этапах оказываются подключены такие способности человека, как воображение, антиципация, спонтанность, интуиция, вдохновение. Поэтому, во-вторых, художник всегда не просто нечто «добавляет» к используемому материалу, который он не просто организует, но *превораляет* в соответствии с творческим замыслом, задачами, качества-

ми и возможностями собственного духовно-личностного материала; недаром утверждают, что, как правило, произведение искусства больше факта действительности на величину души художника.

Однако если человеческое творчество представить как всего лишь сложно мотивированное и столь же сложно организованное поведение, т.е. не выходя за рамки бихевиористского подхода, уместного при объяснении поведения машины, построенной «по образу и подобию» человека, останутся непонятны сами движущие мотивы творческой деятельности, специфика непредсказуемого процесса творчества и его результата. В силу всего этого сложного состава творческой деятельности и еще более сложного комплекса целе-мотивационных факторов этой деятельности, организации ее процесса и т.д. вопрос о возможности полноценного творчества машины как собственно творчества, на наш взгляд, снимается, если, конечно, не мистифицировать возможности машины и не подменять объяснение процесса «мифом по ассоциации».

Даже если говорить не о творчестве, а просто об «уме машины», то и в этом случае, как нам представляется, происходит невольная мистификация достаточно формального предмета, что объясняется энтузиазмом исследователей; ум машины — это всё-таки всего лишь чётко составленная и технически безукоризненно реализуемая программа, основанная на заложенной в ее памяти способности воспринимать и фиксировать тончайшие сигналы, распознавать их и «ассоциировать» с теми или иными действиями, заложенными в «памяти». Говорить о разуме машины на основании оценки ее поведения (в котором она имитирует абстрагированное от всяких личностных характеристик поведение человека), как и приписывать ей наличие психики (способности строить личную поведенческую стратегию в ответ на те или иные сигналы действительности) на основе некоторых столь же абстрактных аналогий можно лишь очень условно. «Игрная роль» человека, машина способна повторить лишь внешние схемы его поведения, однако передать машине целостное содержание своей психики, определяющей не только внешний рисунок поведения человека, но и его глубинное обоснование, его субъективную «оформленность» человек не может. Не говоря уже о таких слагаемых его «черного ящика», как невербализуемые и нерационализируемые образы или измененные формы сознания, сверхсознание и т.д. Многое из всего этого и для самого человека остаётся тайной, ибо невозможно разложить на микроэтапы (микрооперации) и подвергнуть формализации. Как утверждает Д.Сёрл, попытка с бихевиористских позиций объяснить «черный ящик» человеческого сознания привела к тому, что, открыв его, обнаружили внутри лишь множество маленьких черных ящиков⁷.

По словам Т.Лири, человек, обладающий мозгом с колоссальными потенциальными возможностями, до последнего времени был подобен ребенку, бесцельно тыкающему пальцами в клавиатуру гигантского компьютера⁸ (и добавим: иногда результаты этого тыкания выдаются за моделирование). Действительно, внутри человеческого мозга скрыта целая вселенная; количество связей, которые могут сформироваться внутри мозга, бесконечно. Заведомо бесперспективны попытки, не изучив конструкции, стремиться построить «такую же», и уже с помощью этой мнимой модели изучать моделируемый оригинал. Что допустимо как исследовательский этап, не может быть выдано за результат изучения — без риска исказить общую картину и подменить конечную цель исследования.

Человеческое творчество как феномен феномена (таинственная способность неразгаданного мозга) соединяет в себе возможности разных уровней бытия человека как столь же многоуровневого существа. Человеческое творчество существует как одновременно и высшая духовная потребность, и интенсивная психоментальная деятельность, и напряженная деятельность предметная; при этом в нем неизменно и мощно присутствуют энергии самоутверждения, потребность в самореализации. О какой потребности в самореализации, в самоутверждении можно говорить применительно к машине? В этом отношении творчество может быть деятельностью только человека со всеми сопутствующими этому и позитивными, и негативными проявлениями (например, патологиями самоутверждения) в психологическом и социальном планах.

В целом можно сказать, что особенностью творчества как *человеческого* феномена является наличие совокупности следующих качеств или характеристик:

- наличие *потребности* в творчестве, причем эта потребность осознаётся как личная потребность, независимо от уровня реализации;
- *свободное* следование своей потребности и свобода ее реализации, отсутствие внешнего принуждения;
- *мотивированность* творческой деятельности, включая высшие духовные мотивации и мотивы самореализации и самоутверждения;
- *эмоциональность* как окраска мотивации, как условие и как фон творчества;
- в той или иной степени выраженные *способность, возможность, умение* реализовать себя во внешних предметах;
- *целенаправленность*, ибо творец в принципе знает, что он намерен создать;

— создание *ценности* как результата творческой деятельности, реализующей человеческую потребность.

В самом деле, человеческое творчество создает именно ценности, а не просто вещи, ибо за бытием творческого продукта разворачивается целый глубинный пласт смыслов, обеспечиваемый душой художника, его позицией, уровнем мотивации, спецификой индивидуального видения мира, в котором произошло преломление всей совокупности культурного опыта. Иначе говоря, ценностный статус вещи определяется уже не просто организацией ее, но тем, что приносится в организацию, что является ее целью.

В отличие от человеческого интеллекта, способного действовать гибко и ситуационно в конкретном плане и целенаправленно и ценностно в плане общем, машина действует по возведенному в абсолют *прецеденту* (что предопределено программой). И если в определенном смысле можно создать некий усеченный аналог мозга, то нельзя создать аналог единства тела и духа, но именно это единство обеспечивает возможность творческого как восприятия ситуации, так и ответа на нее человеческим мозгом.

Человек работает с объективным миром настолько успешно, насколько адекватен созданный им субъективный образ мира. В субъективном образе как сложносоставном психическом конструкте информация от мира (не только внешнего, но и внутреннего) представлена уже организованной по степени ее значимости для человека. Психический образ динамичен и окказионален, но он всегда несет на себе отпечаток создавшей этот образ личности. Именно психический образ объекта становится основной психической регуляторной инстанцией во взаимодействиях человека с миром. Решить вопрос о значимости сигнала не может один лишь мозг сам из себя, он опирается на живую память, живой опыт тела и на его текущую реакцию на ситуацию. Иными словами, в восприятии сигнала человеком и ответе на него существует некая задержка, отложенность, образующая новую окраску привычного для остального живого рефлекторного, инстинктивного ответа. Психическое, по мнению И.М.Сеченова, развивается, как задержанный рефлекс с контролируемым осуществлением. Сама возможность задержки внешней реакции за счет внутреннего реагирования образует основу способности творческого, полноценного и гибкого, ответа на ситуацию. В целом эволюция у человека как вида связана с развитием и совершенствованием способности не рефлекторного, а сознательного поведения, подчиненного не инстинкту, а цели.

В процессе эволюции у живого проявляются две разнонаправленные потребности, реализуемые в двух столь же разнонаправленных процессах: стремление *сохранить* себя, обеспечивая видовую устойчивость и выживаемость, и умение *изменить* себя, чтобы приспособиться к конкретному изменению ситуации, также обеспечив выживаемость. Мы живем не столько в мире «закрепленной» реальности, сколько в мире вероятностном. И этот мир не столько устойчив, сколько постоянно изменчив в своей тенденции к самым многообразным и непредставимым модификациям. Способность распознавания и выбора нужного поведения в таком мире подкрепляется способностью к избирательному изменению, обеспечиваемому открытостью системы живого.

Сознательное живое ставит свои отношения с миром на новый уровень. Благодаря развитию способности конструировать субъективный образ, через который человек может более избирательно и направленно работать с реальным миром, человек научается строить и образ себя, делая себя самого объектом собственного отражения. Это позволяет человеку не только «по собственному желанию» избирать направление внимания, объект своего восприятия, но и себя видеть со стороны, оценивать себя глазами других, работать с собой (и над собой) через образ себя, наконец, научившись различать «я» и «не-я», выходить за пределы самого себя, *трансцендировать*. Это становится новым уровнем организации поведения человека, новым уровнем диалога с миром и даже способом через организацию взаимоотношений «управлять» миром, который оказывается всё более многомерным, и столь же многомерным должно быть и это «управление».

(Можно ли, например, заставить или запрограммировать машину, чтобы она ощутила себя как «я»?) «Возникающее у высших организмов «я» может рассматриваться как эволюционное приспособление высокоорганизованной живой материи, которое обеспечивает ее наиболее сложным единицам — высшим организмам — возможность строить высокоэффективные стратегии персонального и группового выживания»⁹.

Обычно живые организмы стремятся сохранить постоянство своей внутренней среды, т.е. обеспечить гомеостаз. Тем самым внутренняя организация существует и поддерживается как самоорганизация. Взаимодействие организмов между собой и с окружающей внешней средой выражается в создании внешней организации, также стремящейся к сохранению. Адаптируясь к среде, живое стремится оптимально (минимально) перестраивать свою организацию. Живое сознательное — человек — овладевает способностью к перестройке са-

мой среды своего окружения или же к созданию способов ослабления ее нежелательных воздействий. Человек отличается умением изменить условия своего существования; таким кардинально-тотальным приспособлением становится создание культуры и цивилизации. Так, человек в них с целью выживания изменяет и способ организации социальной жизни (начала которой есть и у животных), и способ организации отношений с потомством.

Но даже при воздействии неблагоприятных условий живой мозг при прекращении нежелательных стимуляций его деятельности восстанавливает привычный, нормальный характер своего функционирования, возвращает измененный «рисунок» своих внутренних связей к исходной форме, иногда восполняя повреждения в нем до первоначальной структуры. При этом живой мозг способен как бы примерять разные способы и режимы восполнения до восстановления согласованного единства его деятельности. В ходе подобной поисковой деятельности возможно формирование новых внутренних связей, соединений, последовательностей, которые, в свою очередь, могут закрепиться в структуре и определять содержание дальнейшей деятельности.

К подобной способности мозга обычно применяют термин «саморегуляция». Однако данный термин требует пояснений, ибо часто в разных профессионально-смысловых контекстах под ним понимают прямо противоположные вещи. Так, в медицине, с одной стороны, и психологии, с другой, в данный термин вкладывают разное смысловое содержание. В медицине саморегуляцией считают способность автоматического поддержания самим организмом гомеостаза как состояния постоянства внутренней среды организма и его равновесия с внешней средой. Известный специалист в области медицины П.К.Анохин считает это универсальным свойством организма, определяющим его приспособительные и защитные отношения ко всякого рода внешним агентам. Всякое отклонение от константного уровня служит при этом толчком к мобилизации аппарата адаптации, вновь устанавливающего данный уровень. Психологи же обычно понимают под саморегуляцией способность человека самопроизвольно, самостоятельно управлять своим собственным состоянием, функциями систем своего организма. У человека саморегуляция как продукт эволюции живого — естественна. Саморегуляция, в известном смысле свойственная ЭВМ (будучи запрограммирована человеком), является целиком искусственной.

Соответственно и значение термина «антисаморегуляция» будет различным. В психологии под антисаморегуляцией понимается приобретение (или развитие) способности не действовать по жесткому

генетическому предписанию. То есть действовать не автоматически-инстинктивно (как бы «на автопилоте»), а ситуативно, гибко, «задерживаться» на фазе осуществления. Человек (как род) опять же при этом может терять в скорости, но приобретает в качестве реакции, в возможности перебрать целый спектр вариантов и остановиться на лучшем. Создание культуры становится по сути развернутой деятельностью антисаморегуляции; в подобной деятельности человек проигрывает остальному живому в способности естественной адаптации, но неизмеримо выигрывает, создав собственный, «искусственный» мир культуры, образующий специальный механизм наследования всей культурно-значимой информации. Культура становится более высоким способом тотальной адаптации, поскольку человек приобретает способность приспособливать к себе весь остальной мир. Но человек, конечно, расплачивается за это. Отныне он вынужден исполнять сразу две разные роли: быть распорядителем и организатором природы и одновременно, оставаясь ее созданием, подчиняться ее непреложным законам.

В целом можно сказать, что как живое неразумное (животные в своей массе), так и разумное искусственное (ЭВМ) имеют своей целью достижение саморегуляции. Это идеал состояния, к которому направлена *биологическая* сторона жизни человека и при котором требуется жесткий автоматизм реакций, когда тело «знает» раньше разума. Живой разумный человек, как и животные, как и искусственный интеллект, обладает саморегуляцией, но он, в отличие от них, способен выработать и способность к сознательной антисаморегуляции, т.е. сознательно и самопроизвольно управлять своим поведением, деятельностью своего организма, он способен к самостоятельной постановке задач, которые выходят за пределы концепции саморегуляции. Своей надбиологической составляющей, своим внутренним психоментальным пространством и духовной составляющей человек стремится к достижению антисаморегуляции, т.е. к управлению с помощью сознания своей внутренней жизнью, не сводимой к биологии. И именно это состояние возможности и способности к антисаморегуляции, и только оно, становится *субстратной основой* творчества (вследствие формирования в мозгу «материальной» базы для развития этого качества в виде образования новых нейронных связей и определенных функциональных участков).

Ни животное, ни искусственный интеллект не могут отключить свой «автопилот» (инстинкт, в первом случае, или программу, во втором) и выйти на самостоятельную антисаморегуляцию. Способность к антисаморегуляции — особенность живого самосознающего созна-

ния. Таким образом, качественное своеобразие человека и возможность творчества как *специфического феномена человеческой природы* основаны именно на сознательной антисаморегуляции, когда человек берет на себя «управление полетом», когда он овладевает способностью контролировать свои внутренние процессы и перераспределять энергию и информацию в своих целях, в целях обеспечения нового качества работы собственного сознания. Именно эта целенаправленная модификация психической деятельности становится у человека основой возможности творчества. В то же время усложнение деятельности мозга, его связей, его гибкости и подвижности делает сложноорганизованный, высокоспециализированный мозг уязвимым в плане внешних повреждений, изменений и «поломок», вызываемых возрастом, возможными травмами, психическими факторами и т.п.

Соединение этих факторов: антисаморегуляции, развития мозга, развития культурных, а не биологических форм адаптации – вызывают развитие психики, развитие сознания как новой и качественно иной диалоговой пары. К диалогу особи и мира присоединяется диалог между «я» и «я-сознающим-себя». Новая диалоговая пара, сделавшая возможностью становление субъективной реальности, стала стимулом для развития способности к самотрансценденции. Самотрансценденция еще более «открывает» систему и делает необязательной гомеостаз. Если закрытая система стремится к редукции напряжения, то открытая – и человек – может поддерживать нужный уровень напряжения, может его произвольно менять, регулировать и использовать в тех или иных целях. Человек может, таким образом, привлекать дополнительную энергию, которую можно тратить не только на физическое выживание, но и на развитие психики, на деятельность, которая не является жизненно необходимой. Количество энергии, превышающее необходимость затраты на цели обеспечения выживания, приобретает как бы новое качество на «выходе» ее, образуя «запас» для возможности творчества.

Творчество становится деятельностью, осуществляемой не только из необходимости, но и из возможности. Однако смысл творчества теряется, если это становится избыточным производством одинакового. Одинаковые субъекты обмениваются с миром и между собой однотипной в принципе информацией, что не означает качественного обогащения в деятельности освоения мира. Поэтому природа позаботилась о неисчерпаемой биохимической разнородности человечества, его наследственной гетерогенности, что и обеспечивает вариативность творчества, ибо у каждого человека развивается инди-

видуальная психическая надстройка, получающая название личности. Это — свой взгляд на мир, своя реальность как индивидуальная версия общей для всех реальности.

Человеческая личность — сложно организованная структура. Она не только определяет лицо и характер творческого проявления, но и в определенном смысле сама выступает как результат реализации творческих потенций, т.е. формируется в сложном контексте освоения прошлого опыта, приема актуальной информации и ожиданий будущего, которые претворяются в идеально-практической деятельности моделирования, носят творческий характер. Личность стремится не только к сохранению равновесия со средой, что укладывается в рамки гомеостаза, саморегуляции (что, как мы уже говорили, выступает идеалом как для животного, которое и можно в полном смысле слова называть биокомпьютером, так и для собственно компьютера, машины), но активно нарушает это равновесие в сторону формирования новой среды, новых условий. Иными словами, личность характеризуется не столько способностью к саморегуляции, сколько возможностью творческой «антисаморегуляции», сознательно и намеренно выстраиваемой и организуемой ради достижения будущей цели, возникающих новых решений и т.п. Фактически человеческая антисаморегуляция становится саморегуляцией более высокого, творческого типа. В применении к машине данные термины имеют иное значение и характеризуются другим смыслом.

О личности в том смысле, который мы ныне вкладываем в это понятие, нельзя было бы говорить, если бы не получило развития и такое человеческое свойство, как память. Именно память обуславливает единство личности, постоянство «я» при всех возрастных, социальных и других ситуационных трансформациях человека. При этом в отличие от памяти ЭВМ, которая в принципе не меняется сама по себе, человеческая память переструктурируется, окказионально модифицируется. Богатство восприятий возникает из соединения (общего) внешнего сигнала и индивидуальной памяти (опыта) «я». И если мощность ЭВМ определяется объемом памяти (количественная характеристика хранилища информации), то человеческая память есть подвижная система, способная даже к перемещению в реальностях времени и ситуаций. О значении памяти В.П.Эфроимсон пишет, что даже большой мозг беспомощен (и потому бесполезен), пока его «содержимое» не связано «в целое памятью, условными и более сложными экстраполяционными рефлексам»¹⁰. Разрушение памяти есть и разрушение личности. Все мы помним рассказанную Ч.Айтматовым в «Бурном полустанке» легенду о манкуртах: с помощью специальной, садистски изощренной «операции» люди лишались памя-

ти, превращаясь в ходячие орудия труда, терпеливые, выносливые, покорные... Лишение памяти делало бесполезными интеллект, богатство и неповторимость личности и т.п., люди просто переставали быть людьми. Отсутствие памяти означает отсутствие *идентичности личности*. Творчество как человеческий феномен означает в этом смысле возможность опредмечивания и закрепления, сохранения коллективной памяти человечества в его культуре; недаром лучшие культурные творения называют историческими памятниками. Без памяти человек теряет и материальные, и метафизические корни, превращаясь в некое «перекати-поле» — без корней в прошлом, без перспектив развития в будущем.

Таким образом, возвращаясь к уже высказанному нами выше утверждению, что творчество есть особый феномен всей человеческой родовой истории, еще раз подчеркнем, что именно творчество выделяет человека и из остальной живой природы, и отличает от носителей искусственно-технического, машинного «разума». Только человек, в отличие от них, способен к антисаморегуляции, ее поддержанию, «запуску». Сам по себе естественный интеллект — это постоянное, непрерываемое творческое состояние или готовность к творчеству, «технически» обусловленная спецификой химизма мозга.

Творческое состояние, даже если оно не реализуется, не опредмечивается, способно быть континуальным процессом, который то стихает, то активизируется в зависимости от ситуации, надобности, индивидуальных способностей к творчеству. Это представляется нам очень важным выводом, который и позволяет увидеть в творчестве *родовую идентичность* человека. Творчество есть свойство, принципиально идентифицирующее *человека* — во всей специфике этого понятия. Под идентификацией мы имеем в виду не простое отождествление себя с совокупностью признаков, определяемых как человек такой-то (Иванов, Петров, Сидоров, проживающий в таком-то городе по такому-то адресу...), а как осознание своей принадлежности к *Номо Sapiens* во всей целостности исторического, культурного, духовного развития. Родовая идентичность человека сформирована в филогенезе, осознана в онтогенезе и означает самоидентичность человека как родового существа во всей его родовой истории. Иными словами, наряду с тем, что системой соотнесения при осознании своей идентичности может выступать определенная социальная группа, нация, семья и т.п., подобной же системой соотнесения может выступить человечество как род в целом, в сумме его поколений и совокупности проявлений. Идентичность человека как рода означает аутентичность человеческой природы и становится показателем и «гарантом» общей адекватности его поведения. В этом смысле даже

внешне «разумное» поведение машины не может быть собственно разумным, ибо не является адекватным (т.е. гибко соотносящимся с контекстом, в котором осуществляется), поскольку не опирается на осознание идентичности; может ли машина иметь его?

С развитием интеллекта, который должен быть сосредоточен, собран, структурирован в своей многофункциональности, развивается и пространство сознания, через которое человек взаимодействует с миром. Сознание, в свою очередь, должно быть открыто, образуя непрерывный (осознаваемый и неосознаваемый) канал связи с миром и с Богом. В этом смысле интересно отметить, что хотя весьма часто говорят об искусственном разуме, но никто не ставит вопрос об искусственном сознании. Сознание выходит за пределы биологии, психики и составляет такой феномен, которым машина не может обладать ни при каких технических усовершенствованиях, ибо это уже сфера метафизики. И если первоначально сознание выступает как предохранительный фильтр, скорее отделяющий человека от непознаваемого для него до поры до времени мира, то с развитием человека, с развитием его духовности сознание всё больше становится не столько фильтром, сколько мембраной, через которую происходит общение человека с областями высших смыслов и ценностей, куда он уже способен трансцендировать.

Итак, творческая роль человека в Космосе, безусловно, особая роль, ибо он, во-первых, *живое*, во-вторых, *живое сознательное*, в-третьих, *способное к творчеству*. Творчество — укоренено в самой природе человека. Оно и возникло, и по-прежнему пребывает воистину как «человеческое, слишком человеческое», чтобы быть переданным в компетенцию искусственного технического приспособления, каким бы мощным и быстродействующим оно ни было.

Только живое может породить живое (как живой мозг порождает живую мысль), причем порождать только подобное себе же. Неживое вообще не может быть порождено живым, оно может быть им сконструировано, создано. Тем более неживое не может «породить» живое (прибор — мысль), оно может лишь имитировать его в неживом. Человек, как бы он, в свою очередь, ни был гениален, технически могуществен и т.д., не может создать того, что создает (порождает) только сама живая природа, ибо и сам он создан этой природой. Живое также не может быть функцией неживого. Если живая мысль порождается живой биологической тканью мозга на основе сложных взаимодействий его с внешней и внутренней средой человека, то эта живая (творческая, самостоятельная, развивающаяся) мысль не может быть порождена (!) неживым, неживое не может породить живое сознание. ЭВМ любой сложности может конструировать поведение,

которое только имитирует разумное. Если полагать иначе и считать возможным искусственный разум, то следует признать, что разум и мысль никак не связаны между собой и могут иметь различную природу. Расхождение между естественным и искусственно созданным обнаруживается уже на феноменологическом и функциональном уровнях: живая мысль, естественный интеллект могут жить самостоятельной жизнью, в то время как искусственный интеллект может только функционировать согласно чужой (внешней и иноприродной по отношению к нему) программе.

Сама способность человека к творчеству, будучи истинно человеческой способностью, означает новый уровень приспособления к действительности, новый уровень и смысл самих отношений с ней. Творческое поведение в широком смысле выступает как умение быстро и правильно реагировать в непредсказуемых ситуациях. В этом отношении именно творчество остается в подлинном смысле слова адекватным поведением в мире, который постоянно находится в движении, непрестанно изменяется. Такие свойства живой психики, как способность к антиципации, как воображение, интуиция, спонтанность, способные явить человеку всю неисчерпаемость его сознания, устремленного к сверхсознанию, а своими основаниями скрытого в бессознательном, определить богатство творческого переживания, обеспечить сложность непосредственного творческого процесса, — все эти свойства живого вряд ли когда станут доступны машине.

Поэтому остаётся констатировать, что творчество в собственном смысле по-прежнему может существовать лишь как человеческий феномен, как общий продукт его сложносоставной природы — и чрезвычайно сложно устроенного и многоуровнево функционирующего живого мозга, и одновременно живой плоти с ее вкусом к живым ощущениям многоцветного бытия. Именно эта двойная природа человека, обусловившая и устремления духа, и переживания плоти, — причина и источник напряжения, из которого возникает искра творчества, которую не может высекать искусственное бытие четко и предсказуемо функционирующей машины. ЭВМ не имеет *аутентичной* основы для творчества во всей силе и яркости его проявления, ведь то простое манипулирование «квантами» художественной организации, которое доступно ей, не предполагает ни опыта переживания, ни творческого поиска, ни потребности самовыражения. Противопоставить им она может лишь скорость операций.

В то же время полноценный, т.е. творческий человеческий интеллект — это отнюдь не вопрос количества. ЭВМ может замещать, дублировать, имитировать те или иные формы мыслительного поведения, но не может создать нового качества мышления. Как извест-

но, участки мозга очень специализированы по функциям, но мозг собирает их в целостную картину мира, которая не есть совокупность воспринятых фрагментов, а именно целостное образование, как бы повторяющее во внутреннем пространстве человека внешнее видение мира. Человеческий мозг умеет различать и классифицировать, т.е. обладает *пониманием*, обусловленным способностью сверять актуальное восприятие объекта с памятью о прошлых встречах с ним. При этом память субъективно окрашена, что определяет индивидуализированность восприятия. Иными словами, *даже простое собственно мышление не сводимо к чисто логическим операциям*. Оно и запускается, и окрашивается, и направляется, и опосредуется на всех этапах чувственно, с помощью чувственных образов, которые идут от органов чувств, окрашиваются мотивацией и т.п. Без этой предшествующей невербализуемой работы с содержанием внутреннего психического пространства нет истинного понимания.

При этом сам факт понимания объясняется некоторыми исследователями, например Д.Сёрлом, через наличие у человека так называемой первичной интенциональности (которую он, правда, сводит к биологическому процессу, и само сознание считает «биологическим свойством нашего мира»¹¹, называя и себя самого «биологическим натуралистом»¹²). Однако его истолкование первичной интенциональности представляет ее как некий набор (совокупность) кодов идентификации, а само понимание ввиду этого сводится к опознанию¹³. Эта своего рода механистичность позволяет Д.Деннету, критикуя концепцию Д.Сёрла, во-первых, свести его первичную идентификацию к как бы конвенциональной идентификации, во-вторых, утверждать, что человек вовсе не обладает такой первичной интенциональностью, и потому не искусственный интеллект похож на человека, а, напротив — человек похож на искусственный интеллект.

В самом деле, можно представить себе некую аналогичную ситуацию. Когда компьютеру встречается сомнительное (с его «точки зрения») или неизвестное слово, он подчеркивает его красной волнистой линией. Нажатие правой кнопки «мыши» предлагает нам вариант написания или приглашение внести данное слово в словарь (который является как бы совокупностью кодов идентификации и в который составители программы это слово не внесли). И человек также приобретает с опытом знание идентичности окружающих предметов и как бы вносит их в свой «словарь», на котором строится его индивидуальная картина мира. И эта картина мира в совокупности с уходящими во внутреннее пространство сознания коннотатами всех известных ему «слов» и составляет интенциональность. Однако даже

если мы ввели в словарь нашего компьютера совершенно бессмысленное слово, машина перестанет подчеркивать его как ошибочное, ибо оно ей и знакомо, и написано правильно, следовательно, всё в порядке; бессмысленность и самого слова и его применения ею не определяется. Машина лишь оперирует символами познания, но сама не познаёт, и у нее связь между символом и символизируемым лишь операциональная, а не смысловая.

Подобное понятие первичной интенциональности — это хотя и очень обобщенное, но одновременно и очень узкое понятие для чрезвычайно широкой сферы внутренней деятельности мышления, которое осуществляется разными путями, на разных уровнях, в разных мыслительных единицах, что и является необходимой базой для возможности творчества. Сознание, описание деятельности которого можно было бы вместить в схему «опознание-сличение-реагирование», могло быть идеальным инструментом для организации операционального поведения, но оно не смогло бы «прорваться» на новые уровни освоения действительности, для которых в наборе *первичной* интенциональности не было бы ни аналогов, ни привязок. Человеческое сознание, которое оказалось способным к возможности творчества, может само вносить в свой «словарь» новое, даже если это вызывает внутреннее реструктурирование картины мира, и восстановить и создать смысловые связи, образующие ее единство. Более того, оно способно само сформировать такое новое «слово», практически не согласуя его (хотя и учитывая) с имеющимся внешним опытом.

Понятие человеческого сознания в равной мере относимо и к миру идей, знаний, смыслов, и к миру образов, представлений, и к миру символов и знаков, т.е. охватывает и оперирует одновременно, многоканально и многоуровнево с единицами всех этих миров, взаимно соотнося их, заново переопределяя и перемещая в рамках структуры. Подобная гибкость, естественно, недоступна машине, ее манипуляции слишком прямолинейны и однозначны, предсказуемы ввиду их заданности. Сознание не есть сумма таких однозначных операциональных актов, это характеристика сложной многоуровневой деятельности живого организма, функционирование которого неповторимо окрашивает систему операциональных актов, служащих только средством опредмечивания, а не самого существования сознания.

Внутреннее пространство сознания человека отличается большой сложностью его организации и функционирования. Уже самый простейший акт деятельности человеческого мозга осуществляется так, что волны его активности при поступлении сигнала отражают не только специфику объекта, но и характер мотивации субъекта восприятия.

После первичного опознания подключается гиппокамп, обеспечивающий память о прошлых встречах с данным объектом. В коре головного мозга осуществляется встреча импульса от внешнего сигнала с импульсом от внутренней работы по опознанию. Таким образом, можно хотя бы отдаленно представить, из каких переплетений сложных первичных блоков складывается картина мира как сложная совокупность представлений о нем.

В сформированном внутреннем пространстве человек как бы пропускает весь воспринимаемый и осознаваемый внешний мир через свое глубоко личное восприятие, переструктурирует в соответствии со своими особенностями и ценностными предпочтениями. В нем он находит себя как центр преломления внешних сигналов и сигналов своего внутреннего мира, он сложно согласует внешний мир и внутренний образ себя, при этом его внутренний мир не уступает в сложности внешнему миру и не повторяет его механически. Его оценки внешнего и внутреннего мира создают проекции желаемого или должного, при этом желаемый мир может оказаться в оппозиции к реально наблюдаемому, однако это не искажает адекватности поведения человека. Он одновременно может воспринимать самую разную информацию из разных источников и (в норме) формировать образы мира и себя и как отдельные конструкты, и как совпадающие или частично налагающиеся.

При этом всё восприятие проникнуто чувственно-эмоциональным отношением к миру (и себе). Как считал А.Ф.Лосев, чувство от познания отличается тем (хотя, безусловно, и чувство есть особая форма познания), что инобытие чувства порождается внутри человека, ощущается именно им и вне его не существует, в то время как познание предполагает свое инобытие готовым вне его. Хотя с этим можно в определенном смысле спорить (ибо и познание, пока и когда оно формулируется, также формируется внутри, и только будучи «готовым», оно способно отделяться от человека и существовать вне и даже независимо от него — как знание), однако эти слова показывают, сколь сложным является внутреннее пространство человека, включающее в себя разноприродные ощущения самых разных объектов, разноформенные знания (символы, знаки, образы и т.п.) о внешнем мире и о деятельности своего внутреннего мира, разноструктурные конструкты (образ мира и самообраз) и т.д. Ни из какого внешнего мира человек не может вынести представления о себе. Его самосознание, образ «я» формируется благодаря гибкости и «безразмерности» внутреннего пространства, которое есть не только его эволюционное завоевание, но и плод личных человеческих усилий.

Именно содержание и специфика внутреннего пространства образует и обеспечивает субъективность человека, определяющую характер его творчества. Как пишет Д.Сёрл, «субъективность более, чем что-либо другое, ответственна за философскую загадку сознания»¹⁴. И именно субъективность неизвестна думающей машине, а без нее нет ни сознания как такового, ни творчества. ЭВМ берет исходную посылку и, опуская всю цепь промежуточных опосредований, дает вывод. Это дает огромную экономию времени, но пригодно лишь для абстрактно-информационной системы. В человеческом сознании, в творчестве чрезвычайно важны сами эти «промежуточные» этапы, ибо они содержат те субъективные составляющие всей деятельности, те отсубъектные ее детерминанты и окрашенность, которые создают и мотивацию к творчеству, и само своеобразие осуществления и результата творческой деятельности.

К этому следует добавить, что творчество человека обеспечено и его духовной силой. Если сознание в его начальных формах присутствует и у животных, определенный уровень интеллекта – у некоторых из них (дельфинов, например), с известными оговорками можно говорить и о душе у животных, то дух наличествует только у человека, определяя не только способность, но и мотивацию к творчеству.

Если сама жизнь не досадная случайность, а закономерность в Космосе, то и творчество – как способность и характеристика живого, и только живого, – закодировано в его структурах. Это – космический принцип.

Примечания

- ¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 55.
- ² См.: Гоббс Т. Избр. произведения. М., 1964. Т. 1. С. 235.
- ³ Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. М., 2004. С. 87.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 566.
- ⁵ См.: Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 323–324.
- ⁶ Даже здесь, в различии активного и пассивного залога проявляется это критериальное требование к творчеству, которое возможно только в активном залоге.
- ⁷ Сёрл Д. Открывая сознание заново. М., 2002.
- ⁸ Лири Т. Семь языков Бога. М., 2002. С. 65.
- ⁹ Колесников А.В. О природе «я» и думающих машинах // Полигнозис. 2000. № 4. С. 138.
- ¹⁰ Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. М., 1998. С. 443.
- ¹¹ См.: Сёрл Д. Цит. соч. С. 20, 94.
- ¹² Там же. С. 24.
- ¹³ Там же. С. 135.
- ¹⁴ Там же. С. 132.